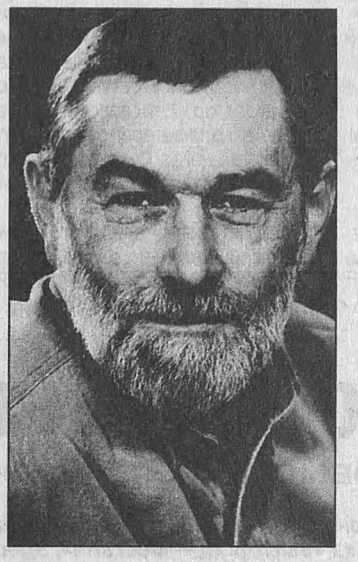
Вячеслав ГВОЗДКОВ, художественный руководитель Самарского академического театра драмы:

Для артистов я папа родной

Вячеслав Гвоздков — художественный руководитель Самарского академического театра драмы имени Горького, одного из самых уважаемых театров провинции. Вскоре Гвоздков повезет самарских артистов на гастроли в Италию; к тому же он собирается организовать свой театральный фестиваль. С Вячеславом ГВОЗДКОВЫМ встретился корреспондент «Известий» Алексей ФИЛИППОВ.

Известия 2003 - 25 июля - с 8



— Как сейчас живет Самарский театр драмы — лучше или хуже, чем в советские времена?

— Так же хорошо. Раньше им руководил Петр Львович Монастырский, и это был уважаемый, известный театр. Он был в фаворе у властей и всегда выезжал на московские гастроли. Нынешнее начальство его по-прежнему обожает.

— А посещаемость какая?

— Процентов девяносто. Это в среднем, вопрос в том, что именно посещают. Мы сейчас переживаем период невысокой культуры — тон задали антрепризы. Говоря в простоте, идет сплошной чес.

— Антрепризы отбивают у вас зрителя?

— Сейчас уже нет, этот период прошел. Антрепризы приезжают, назначают бешеные цены — полторы-две, а то и три тысячи рублей за билет.

— Это много и для Москвы, а для Самары, наверное, и вовсе бешеные деньги...

— Антрепризы приучили зрителей, что билет в театр должен дорого стоить, в этом отношении они сыграли положительную роль. Я принял театр восемь лет назад, тогда стоимость нашего билета равнялась пяти рублям. В у.е. это был один доллар. Сегодня билет стоит триста рублей, это почти десять долларов. И билеты раскупаются.

— Все билеты?!

— Дело в том, что я был вынужден разделить репертуар на две половины. Есть внутренняя антреприза, есть просветительский театр — это Чехов, Достоевский, Набоков...

— Что же предпочитают в Самаре?

— Смотрят все. Но на «Lady's night» страшный лом, и билеты перепродают у входа, «№ 13» пользуется бешеным успехом, отлично идет «Очень женатый таксист» Рэя Куни. На нашу внутреннюю антрепризу билеты достать невозможно, а на Чехова — очень спокойно. И провокаторши-учителки пишут кляузы: «Вот во что Гвоздков театр превратил — на сцене одни голые задницы». А я в ответ задаю вопрос — вы «Униженных и оскорбленных» смотрели? «Душечку»? «Чужой хлеб»? «Нахлебника»? «Пиковую даму»? На это они не ходят — даже на дневные спектакли, за полцены.

— Очевидно, вам плохо помогают власти — иначе бы вы обошлись и второй половиной репертуара.

— Нет, у нас достойная дотация — спасибо нашему губернатору. Я ставлю Рэя Куни, чтобы хорошо жили актеры. И я горжусь тем, что сегодня они у меня получают нормальные деньги.

— Сколько же они получают?

— Лидеры труппы до сорока тысяч в месяц. Средний артист тысяч шестнадцать—восемнадцать. Я за год купил пять квартир актерам (через пять-десять лет они смогут их приватизировать) — и это не только спонсорские деньги.

— А какой процент расходов вы покрываете благодаря своим доходам?

— За полгода я заработал сумму, равную нашей дотации, а у меня полгода впереди, я собираюсь еще прилично заработать. Своими деньгами мы покрываем пятьдесят-шестьдесят процентов расходов.

— Иными словами, вы, как руководитель театра, чувствуете себя нисколько не хуже, чем в советские времена?

— Я никогда не работал очередным режиссером, а свой первый театр возглавил в восьмидесятом году, совсем молодым человеком. Председателем худсовета тогда был директор. Но все директора, с которыми мне пришлось иметь дело, понимали, какова роль главного режиссера. В 90-м году возник институт художественных руководителей, и этот вопрос вообще снялся... Министерство культуры советских времен я могу вспомнить только добром. Меня туда за ручку привели: «Возьми театр». Все ко мне очень уважительно относились, закрывали, прикрывали и оберегали. Дело не во властях, а в нас — это мы довели репертуарный театр до его нынешнего состояния. Мы ставили спектакли-однодневки, спекулировали профессией и хотели разъезжать на персональных машинах, чтобы нас лакеи обслуживали...

— Я плохо представляю, как провинциального режиссера могли лакеи обслуживать.

— В советское время я был главным режиссером в Ташкентском академическом театре драмы, меня обслуживало Четвертое управление, и у меня была шикарная трехэтажная дача в горах и очень приличная зарплата. Главные режиссеры были номенклатурой.

— А мне-то кажется, что сейчас режиссеры стали гораздо лучше жить.

— Это коснулось не всех. Есть группа режиссеров, востребованных рынком, есть режиссеры, которые звонят мне в Самару и просят дать им спектакль. Но я могу предоставить деньги и постановку только тем, в ком я абсолютно уверен. А у многих из них житейская ситуация просто страшна — завтра, может статься, не на что будет хлеба купить... В том, как складываются профессиональные судьбы, играет роль не только одаренность, но и удача — надо суметь засветиться на рынке. Проблема в том, что рынок востребует одни и те же имена.

— Каков средний размер режиссерского гонорара?

— Спектакль средневостребованного режиссера стоит пять тысяч долларов. Лидеры получают и по двадцать пять. К примеру, я давно зову к нам Роберта Стуруа, и мы готовы хорошо платить. У Стуруа меня волнует даже не конечный результат, а общение труппы с интересным человеком.

«Король. Дама. Валет» в постановке Вячеслава Гвоздкова

— Актеров сейчас, наверное, проще держать в руках? При контрактной системе им сложнее есть режиссеров...

— Все равно едят. А контракт я ввел с первого дня работы в Самарском театре — не для того, чтобы проще было избавиться от артиста, а чтобы достойно платить. Если он или я захотим расторгнуть контракт, то актер сможет остаться в штате и получать свои небольшие деньги... Но он на них не выживет.

— Несколько лет назад у вас были проблемы с труппой — из Самары в московские редакции регулярно приходили обличающие вас кляузы.

— Разборки были мощные. Все началось с моего прихода — я сменил человека, который сорок лет руководил театром. Те, кто его съел, расчищали место для себя, а не для другого диктатора. Три года не давали работать, мучили театр, мучились сами — но в результате им пришлось уйти.

— Прежний режиссер диктатор, новый режиссер диктатор... Куда артисту податься?

— Сегодня актер может одновременно работать хоть в десяти театрах, сниматься в сериалах и чувствовать себя независимым. Мои питерские друзья-режиссеры жалуются: среди артистов началась эпидемия увольнений и ухода на вольные хлеба. Им невыгодно работать в одном театре, они хотят сами выбирать режиссера и спектакль, их раздражает дисциплина...

— Это относится только к тем, кто сумел пробиться, а таких и в Москве не слишком много. А уж в Самаре-то, я думаю, вы с такой проблемой не сталкиваетесь.

— Нет. Самарский драмтеатр их единственное место работы. Но я позволяю своим артистам сниматься в рекламе и даже играть в других театрах. У меня тридцать человек в труппе, и все они в работе. А работа — это деньги, они получают и за спектакли, и за репетиции, и за поездки на гастроли. Я жесток в исполнении нашего театрального устава, а в остальном я папа родной. Артисты меня так и называют. Другое дело, как оценивают театр столичные критики.

— С критикой у вас проблемы?

— Проблем нет: я на критиков не обращаю внимания. Единственный критик, перед которым я отвечаю, это зритель — он голосует ногами. Пройдет время, и люди разберутся, кто из нас прав.